Изучение творчества Л.Н.Толстого в современной школе

Марчукова Ольга Григорьевна – канд. пед. наук, Институт социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия); vera-nadegda@bk.ru

Обласова Татьяна Владимировна – д-р пед. наук, канд. филол. наук, Институт социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия); tatianaoblasowa@yandex.ru

Аннотация. *В статье изложен подход к изучению творчества Л.Н.Толстого в современной школе, основанный на освоении мира повседневности как основы жизни человека и его внутреннего мира переживаний и эмоциональных состояний, представленных в произведениях писателя. Актуальность такого подхода определяется состоянием современного ребенка, остро испытывающего эмоциональный голод и кризис идентичности, а также потребностями образовательной практики, ищущей средства и способы образования и воспитания человека «одушевленного», осуществляющего свое бытие через переживания и чувства, укорененного в своей культуре.*

Ключевые слова. *Творчество Л.Н.Толстого, школьное литературное образование, внутренний мир, переживание, нравственные искания, восприятие, эмоциональный голод, кризис идентичности, воспитание человека «одушевленного», воспитательное значение творчества.*

Творчество Л.Н.Толстого в отечественном школьном литературном образовании представлено более полутораста лет. По решению Съезда учителей русского языка и словесности, состоявшегося в Казани в 1866 г., произведения писателя прочно вошли в круг детского и юношеского чтения, а материалы о Л.Н.Толстом и его произведениях стали включаться в учебники, хрестоматии, методические руководства, пособия для самообразования. В конце XIX в. в школьных программах сложился круг рассматриваемых вопросов: отношение Толстого к крепостному праву, помещикам, простому народу, воплощенные через описание родной природы, быта и нравов поместного дворянства и крестьянства. Сформировались направления изучения его творчества, например: «Толстой как мыслитель», «Толстой как художник», «Толстой как психолог», «выражение народного духа», «нравственные искания главных героев», «личность и народная стихия» (обозначены в «Очерках по истории русской литературы XIX-го века» (1911) В.Ф.Саводника). Эти же направления изучения и круг вопросов (в современной терминологии соответственно – проблематика и идейно-художественное содержание) «перекочевали» в советскую школу, но были включены «в контекст истории борьбы русского народа против самодержавия и крепостного права» под эгидой ленинских статей «Памяти Герцена» (1912) и «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1908) [1, с. 250–252].

В 2008 г. самарские учителя сделали обзор десяти программ новой российской (постсоветской) школы [2], который показал, что в большинстве из них прослеживался ставший уже традиционным подход к изучению творчества писателя: несмотря на значительную вариативность в отборе произведений, сохраняется проблематика становления и формирования характера, духовного роста и самосовершенствования личности, нравственных

исканий героев, взаимоотношений в семье и т.д. Обращает на себя внимание лишь то, что тема «борьбы русского народа против самодержавия» замещается темой «непротивления злу насилием», а вместо анализа отношения писателя к крепостному праву и реформам 1860-х гг. предлагается анализировать гуманистический пафос произведений. Это наблюдение подтверждает, что масштаб «миров» Толстого дает возможность осваивать их в любые времена, однако же и позволяет прийти к выводу, что при изучении в школе изначально сформировался и ныне сохраняется акцент на эпической и нравственно-дидактической сторонах произведений классика, в какие бы словесные формулы они не были облечены.

Исследования Л.Я.Борусяк, проведенные в 2015 г., показали, что молодые читатели XXI в. 17–23-х лет высоко ценят творчество Л.Н.Толстого, который, как и Ф.М.Достоевский, находится в рейтинге топ-20 писателей «на наиболее высоких позициях» и воспринимаются «как наиболее важные, ценные и взрослые» [3, с. 104]. Такое отношение, по мнению ученого, сформировано под влиянием школы и связано, во-первых, с тем, что оба классика создали «большие произведения, романы, которые подробно изучают в десятом классе»; во-вторых, их воспринимают «как главные фигуры, представляющие великую русскую культуру во всем мире» [3, с. 98].

Однако признание современной молодежью значимости русской классики носит характер скорее «риторического воспроизведения», чем подлинного ее ценностно-смыслового переживания: 57% девушек и 44% юношей уверены в актуальности в наши дни классических произведений, но 45% подростков считают, что «классика если не полностью, то частично устарела» [4, с. 57]. Это подтверждает наблюдение: 10–11-классники затрудняются объяснить, чем именно их увлекают полюбившиеся классические романы, в числе которых «Война и мир»; не могут «осмыслить свои чувства и эмоции по отношению к литературным произведениям, не говоря уже о каком-то анализе их художественных особенностей» [4, с. 54].

В 2016–21 гг. мы провели аналогичное исследование среди студентов младших курсов направления 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки): русский язык, русская литература», которое подтвердило мысль о «риторичности» в восприятии писателя: из более чем 150 опрошенных лишь 7%, обучаясь в школе, прочитали «Войну и мир». На вопрос «Любите ли вы произведения Л.Н.Толстого?» за все время наблюдений утвердительно ответили лишь пятеро студентов. Этот вопрос привел в замешательство и учителей, являвшихся слушателями курсов повышения квалификации в 2023–24 гг. Признать ценность, гениальность, величие, грандиозность писателя учителя-словесники готовы, но признание в любви подавляющему большинству из них удается с трудом или не удается совсем. Очевидно, Толстой, являя собой своеобразный концепт русской культуры практически для каждого будущего или действующего учителя литературы, «вмещается» в довольно стереотипный набор определений и метафор: гуманист, гениальный (великий) мыслитель, философ, противник войны; идея нравственного самосовершенствования, диалектика души, социальная справедливость, (страстное) искание истины; «Война и мир»; эпос, историзм, патриотизм; грандиозность, величие; мысль народная, мысль семейная, дух народа.

Напрашивается парадоксальный вывод: в отношении к Толстому, его творчеству есть преклонение, но нет подлинного понимания и любви. Изумление перед громадностью, масштабностью личности писателя и созданных им произведений оставляет ощущение непостижимости и недоступности, следовательно, препят-

ствует той тонкой и сложной работе, которую литература призвана совершить в человеке.

А.С.Пушкин в поэме «Граф Нулин» (1825) о книге, читаемой женой графа Натальей Павловной, писал: «Роман классический, старинный, Отменно длинный, длинный, длинный, Нравоучительный и чинный, Без романтических затей…»[1]. Не стало ли и для российского школьника творчество Толстого подобным «романом»?

Механизм формирования стереотипных (внеличностных) представлений, как видится, состоит в убеждающем напоминании (повторении) на протяжении всех лет обучения в основной школе одной и той же информации – о значении Л.Н.Толстого. В 5-м классе: «С публикации повести “Детство”, произведений, написанных на Кавказе… началась всероссийская, а затем и мировая слава писателя»[2]. В 6-м классе: «Имя Толстого еще при жизни писателя приобрело всемирную известность. В наше время Толстой занимает одно из первых мест среди писателей всех стран и народов по числу переводов его произведений на иностранные языки». В 7-м классе: «Сам Толстой прославил свой род не только как великий писатель, но и как гражданин на военном, общественном и педагогическом поприще» (в 8-м классе эта мысль повторяется в неизменном виде).

В учебниках с 5-го по 8-й класс (в 9-м классе творчество Л.Н.Толстого не изучается) параграфы сопровождены портретами, представляющими Льва Николаевича лишь седобородым старцем. Определенную точку зрения у школьников формируют и выбранные методистами направления изучения творчества писателя. Так, в биографической статье в 5-м классе сразу же декларируются идея самосовершенствования человека и интерес к событиям истории. В 6-м классе идея самосовершенствования приобретает социальную окраску, подтверждаясь цитатами из повести «Детство»: «Николенька начинает замечать недостатки людей своего круга и приходит к мысли о необходимости исправить пороки людские... но Николенька часто уступает дурному влиянию своей среды…». Семиклассникам и восьмиклассникам сообщается, что Толстой «требовал от человека огромного духовного и душевного напряжения всех его способностей, воли, ума» (в 8-м классе тезис дан без изменений). И в каждом классе подчеркивается историзм, проявляющийся не только и не всегда как обращенность к историческим событиям, но и как умение чувствовать свою эпоху, ее настроения, проблематику.

Такова традиция, приводящая к представлениям о Л.Н.Толстом как выдающемся представителе русской культуры, ставшем явлением всемирного масштаба, но явлением далеким, недостижимым и непостижимым. Этот образ писателя не может стать «своим» для подростка, он отчужден от его жизни, чувствований, проблем. О чем может «поговорить» с Толстым современный школьник? На какие свои животрепещущие непростые вопросы найти ответ? Примеры решения каких своих проблем он может встретить в художественном мире автора? А ведь без встречи и диалога нет понимания (М.М.Бахтин). С другой позиции: а может ли уникальность личности, феномен индивидуальности великого писателя быть понят современным ребенком? Ведь лич-

[1] Героиня поэмы читала 4-й том сентиментального романа «Любовь Элизы и Армана, Иль переписка двух семей». Название романа вымышлено А.С.Пушкиным, но его характеристика относится к модным в то время произведениям, например, «Опасные связи» (1782) Ш. де Лакло.

[2] Здесь и далее приводятся цитаты из вступительных статей и послетекстовых заданий к произведениям Л.Н.Толстого из учебников по литературе (2023 г.) под редакцией В.Я.Коровиной.

ность нельзя объяснить. В одной из своих работ М.К.Мамардашвили рассуждал: «… если нечто индивидуально или представляет собой индивид, это нечто должно пониматься, а не объясняться… Универсальное мы объясняем, а индивидуальное понимаем» [5, с. 469–470]. К индивидуальному, следуя философии жизни, ученый отнес переживание, историю, культуру, социальность

Незыблемость Л.Н.Толстого в школьном курсе литературы не может не радовать, но и не может не тревожить, поскольку присутствие его действительно стало «положением» – бесспорным и однозначно установленным правилом: уже на этапе знакомства со вступительными статьями он предстает перед школьниками этакой «глыбой»[3], памятником самому себе и своему величию. И возникает острое чувство, что многогранный Толстой-человек растворился в великом Толстом-писателе, принесшем мировую славу себе и Отечеству. Увлекшись (и обоснованно) широтой и высотой толстовского творчества, школа не раскрыла его глубины – постижения внутренней жизни. Эта глубина заключена не только в нравственных исканиях (что всесторонне осмыслено и методически проработано), а в той самой ненаблюдаемой и потому трудно оформляемой в слове непрерывной «эмоциональной плазме» души, в ее развитии, перипетиях, постепенном открытии мира, в столкновениях с разными сторонами бытия в их повседневном проявлении. Ведь история интересует Толстого не только как масштабная событийность (она представлена в историософских размышлениях писателя), но прежде всего как обстоятельства повседневной жизни человека, вынуждающие его к поступкам, действиям; возбуждающие невольные эмоции и переживания, движения мимики и жесты, интонации, – в непрерывном потоке которых человек и проявляется во всей своей полноте.

В мире Толстого крупное деяние и даже подвиг переосмыслены: вспомним порыв князя Андрея на Аустерлицком поле со знаменем в руках, намерение Пьера убить Наполеона, описание атаки Николаем Ростовым так, как ожидали товарищи – как подвига, а не так, как он увидел ее – страшной и бессмысленной. В то же время безусловной ценностью обладают совершенно бытовое поведение и действия, не выходящие за границы повседневной человеческой жизни: Платон Каратаев развешивает свою обувь «на «колышки, вбитые у него над головами»; Наташа Ростова – с некрасивым лицом, опухшим от слез – стоит на коленях перед постелью умирающего князя Андрея, – и еще бесконечно многое, что важно для Толстого, потому что связано с человеком в его сугубо человеческом измерении. Именно это заставило Г.Флобера в письме к И.С.Тургеневу (1857) выразить благодарность за возможность прочесть «Войну и мир» и воскликнуть: «Какой художник и какой психолог! Мне кажется, что есть места, достойные Шекспира! Мне случалось вскрикивать от восторга во время чтения, а оно продолжительно! Да, это сильно! Очень сильно!» [6].

В этом смысле очень важным представляется рассказ «Кавказский пленник» (1872), позволяющий обсудить с пятиклассниками доброту и доброе отношение человека к миру как норму. Так, предлагая детям для анализа образ Жилина, учителю следует иметь в виду значимость такого человеческого типа для Толстого, воплотившего его в «Войне и мире» в образе Платона Каратаева, который «любил и любовно жил со всем, с чем его сводила жизнь». Доброта Жилина проявляется

[3] «Какая глыба, какой матерый человечище!» – слова В.И.Ленина о Л.Н.Толстом, приведенные в очерке Максима Горького «В.И. Ленин» (1924).

на уровне его внутренней речи, в словах, которыми он думает о своей лошади («*Матушка*, вынеси…») и затем через несобственно-прямую речь («Оглянулся Жилин на свою лошадь. Она, *сердечная*, как упала на бок, так и лежит…»). Теплота просвечивает в отношении Жилина и в обращении к Дине в момент расставания («*Динушка*», «*умница*»), и в жесте («*погладил* по голове»), и в сочувствии («Кто тебе без меня кукол делать будет?»). Доброта Жилина, его первое движение (кукол наделал, часы починил и т.д.) вызывает ответные человеческие чувства у татар. Большое воспитательное значение, помимо осуждения войны, на котором настаивают авторы УМК, на наш взгляд, имеет утверждение Толстым доброты как нормы отношений человека к человеку, даже в условиях войны, когда противопоставление людей как врагов происходит на другом (не частно-человеческом) уровне.

В массовой практике в этом аспекте Толстой-художник не освоен, сила его художественного воздействия не осмыслена, как и его художественные открытия и важнейшая особенность его эпоса – мощное лирическое начало, состоящее не в лирических отступлениях, размышлениях, выражении авторской эмоциональной оценки событий и персонажей, а в том, что изображается не традиционный эпический предмет, а лирический – состояния и переживания человека. Не события важны, а то, что человек чувствует в этом событии, как переживает его, как это событие отражается в его внутренней жизни.

Вместе с тем, при таком взгляде на творчество Толстого воспитывающим становится не поступок героя, не сюжетный поворот, а подход автора к человеку. Именно этот подход позволил английскому критику М.Арнольду охарактеризовать «русскую натуру» как отличающуюся «крайней впечатлительностью, крайне живым и обостренным сознанием того, что испытывает сама она лично, и того, что думают и чувствуют окружающие ее люди», качествами, которые «в высшей степени благоприятствуют созданию «высокой литературы» и «высокого искусства» [7]. Произведения Толстого раскрывают мир разнообразных человеческих эмоций, остроту переживаний и состояний, всегда, по определению В.В.Виноградова, изображая чувство оксюморно, как комплекс, смесь противоречивых эмоций, настроений, мыслей и ощущений, отрицая принцип «чистого», несмешанного, не раздвоенного чувства [8, с. 244–245].

Разговор об этом может состояться уже в 6 классе при знакомстве с повестью «Детство» (1852). Наряду с традиционно разбираемыми главами необходимо обратиться к главе «В постеле». Здесь чувство влюбленности Николеньки предстает как «сладостное волнение», «избыток счастия», переживаемые настолько сильно, что «Бог знает отчего делается грустно и ужасно хочется плакать». При этом Толстой описывает не только слова и мысли героя, но и его движения, жесты («Я вскочил на четвереньки… закрыл голову одеялом… подвернул его под себя со всех сторон и, когда нигде не осталось отверстий, улегся… круто поворачиваясь на другой бок…»); его реплики, которые обрывисты, сопровождаются междометиями, восклицаниями, повторами – все эти средства Виноградов называет художественными открытиями Толстого в изображении внутренней жизни героев.

Итак, воспитательное значение изучения творчества Л.Н.Толстого состоит в самом отношении к человеку, задаваемом писателем – трепетном, внимательном, чутком, бережном; к внутренней, как оказывается, очень эмоциональной жизни. Человек раскрывается как целый мир, уязвимый и беззащитный. Воспитание уважения к другому, к его переживаниям и чувствам, осознание ответственности перед другими и собой и освоение норм построения добрых взаимоотношений в современной

школе интерпретируется как «развитие эмоционального интеллекта». В контексте стоящей перед школой задачи по его развитию творчество Л.Н.Толстого предоставляет огромные возможности. Наблюдение эмоций, их рефлексия и именование, выявление форм выражения эмоционального состояния и его изменения может стать воспитательной целью и основным содержанием урока, классного часа, внеурочной деятельности.

Закономерным в связи с этим будет включение в программу глав «Затмение», «Месть», «Перемелется – мука будет», «Ненависть» из повести «Отрочество» (1854), показывающей своеобразие подросткового возраста и переход от детства к юности. На материале этого произведения возможно ввести ребенка в круг размышлений о мотивах поведения человека, о том, чем возбуждается любовь, а чем ненависть, источником для которых станут рассуждения рассказчика об отличиях гувернеров – Карла Ивановича и St.-Jérôme. Первый из них «лично расправлялся линейкой или помочами», бранил, наказывал, «но видно было, что он считал это хотя необходимою, но неприятною обязанностью»; другой же был человек гордый, самодовольный, «любил драпироваться в роль наставника». Когда St.-Jérôme наказывал детей («наказание состояло в унижении»), видно было, что делал это «более для собственного удовольствия», чем для их пользы. И именно желание унизить, оскорбить другого человека оказывается почвой, из которой вырастает ненависть.

Прослеживание восприятий и переживаний героя, изменений его отношения, мотивов его реагирования и проявления чувств в поступках и действиях – учебные задания, необходимость которых подсказывает сам сегодняшний подросток, страдающий от эмоциональной глухоты, одиночества и ценностного вакуума. Не привычные типовые, переходящие из класса в класс вопросы по содержанию, характеристика героя и его оценивание, а задания, побуждающие к наблюдению внутренней жизни героя, выявлению проявлений этой жизни, «собиранию» его «я», сопоставлению и сравнению разных «я», способны вовлечь современного школьника в его собственный внутренний мир. Однако анализ заданий, предлагаемых учебником, показывает, что по уровню сложности и содержательной глубине от класса к классу приращение неявно: и в пятом, и в седьмом классе от ученика требуется либо найти ответ в тексте, либо зачем-то охарактеризовать героя, либо «свободно» поразмышлять о нем (оценить его и т.п.). Несвязность этих заданий, их непреемственность, отсутствие всякой внятной логики (Зачем отвечать на 10–15 вопросов, и что есть конечная цель и результат этого отвечания?) закономерно приводят учащегося к бессвязности восприятия и «неуловимости» смыслов.

Так, например, при изучении рассказа «Кавказский пленник» пятиклассникам предлагаются вопросы «Как встретились Жилин и Костылин? Как они себя вели в плену?», но тут же их спрашивают уже совсем о другом: «Почему Дина помогала Жилину?», и сразу же – «Почему не удался первый побег?» Что дадут школьникам ответы? Как помогут пониманию героя, себя? Ориентирование на «отвечание» по содержанию текста, оценочность и извлечение неких «уроков» – доминантны в изучении творчества Л.Н.Толстого: «Кажется ли вам характер Натальи Савишны интересным? Почему она решила не брать вольную? Одобряете ли вы ее решение? Что беспокоит Л.Н.Толстого, когда он думает о детстве?» (6 класс, повесть «Детство»); «От чьего лица ведется рассказ? О каком периоде своей жизни повествует Иван Васильевич? Против чего направлен рассказ «После бала»?» (7-й класс, «После бала»).

Доминанты, обусловленные всей традицией изучения творчества писателя в школе, не отвечают сегодняшней социокультурной повестке. Где «я»? – воз-

можно, ключевой вопрос современности. Приватное и публичное, реальное и виртуальное, образ и аватарка – каждое из измерений жизни, дополняя друг друга рамочно, исключает бытийно. Формирующееся «я» ребенка живет в сосуществовании дихотомий и остро нуждается в целостной, осмысляемой, по-настоящему значимой для него деятельности. Рассуждая о потенциале методики обучения, основанной на освоении концептов русской культуры, Н.Л.Мишатина обращается к понятию «новой духовности», относящемуся к поколению метамодернизма [9]. Думаем, что удовлетворить «новые» потребности российского школьника в аутентичности и подлинности, в их искании может художественный мир Толстого.

Подтверждение основания для такого подхода к изучению творчества Л.Н.Толстого находим в его неотправленном письме П.Д.Боборыкину (1865 г.): «Цель художника не в том, чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех ее проявлениях. Ежели бы мне сказали, что я могу написать роман, которым я неоспоримо установлю кажущееся мне верным воззрение на все социальные вопросы, я бы не посвятили двух часов труда на такой роман, но ежели бы мне сказали, что то, что я напишу, будут читать теперешние дети лет через 20 и будут над ним плакать и смеяться и полюблять жизнь, я бы посвятил ему всю свою жизнь и все свои силы» [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чертов В., Антипова А.* Творчество Л.Н.Толстого в школьном изучении: сравнительно-исторический аспект // Филология и культура. Philology and culture. 2018. № 4. С. 249–254.

2. *Кожина Н., Лушина Н.* Творчество Л.Н. Толстого в школьных программах // Литература (приложение к газете «Первое сентября»). 2008. № 17 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lit.1sept.ru/article.php? ID=200801705.

3. *Борусяк Л.Я.* Любимые авторы, любимые книги: что читает современная молодежь. По данным анализа сети Вконтакте // Вестник общественного мнения. № 1(119). Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. Январь–март. С. 90–105.

4. *Борусяк Л.Я.* Классическая школа, неклассические дети // Чтение современного школьника: программное, свободное, проблемное: коллективная монография / Под ред. Е.С.Романичевой, Е.А.Асоновой. М., 2016. 200 с.

5. *Мамардашвили М.* Очерк современной европейской философии. СПб, 2018. 640 с.

6. *Тургенев И.С.* Из письма Л.Н.Толстому [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/trk/trk-6021.htm.

7. *Arnold M.* Count Leo Tolstoy // Fortnightly review. L., 1887. Vol. 48. P. 784– 793.

8. *Виноградов В.В.* Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой: Избр. тр. / В.В.Виноградов; Отв. ред. А.П. Чудаков. М., 2003. 388 с.

9. *Мишатина Н.Л.* Методическая лингвоконцептология: новые идеи и антропопрактики: монография. СПб, 2022. 304с.

10. Письмо Л. Толстого П.Д.Боборыкину (неотправленное). Июль–август. Никольское-Вяземское, 1865 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.tolstoy.ru/ creativity/ letters/ ?df=&dt=&q=&page=2.

Дата поступления – 03.02.24

Study of L.N. Tolstoy's work in a modern school

Olga G. Marchukova – Cand. Sci. (Pedagogics), Institute of Social and Humanitarian Sciences of the Federal State Educational Institution of Higher Education of Tyumen State University (Tyumen, Russia); vera-nadegda@bk.ru

Tatyana V. Oblasova – Dr. Sci. (Pedagogics), Cand. Sci. (Philological), Institute of Social and Humanitarian Sciences of the Federal State Educational Institution of Higher Education of Tyumen State University (Tyumen, Russia); tatianaoblasowa@yandex.ru

Abstract. *The article examines the pedagogical significance of studying the work of L.N.Tolstoy in a modern school. The approach to the study is based on the development of the world of everyday life as the basis of human life and the inner world of man as the world of experiences and emotional states presented in the works of the writer. The relevance of this approach is determined both by the state of a modern child who is acutely experiencing emotional hunger and an identity crisis, and by the needs of educational practice looking for means and ways of educating and educating an "animated" person who realizes his being through experiences and feelings, rooted in his culture.*

Key words. *Work of L.N. Tolstoy, school literary education, inner world, experience, moral quest, perception, emotional hunger, identity crisis, education of an "animated" person.*

REFERENCES

1. *Chertov V., Antipova A.* Tvorchestvo L.N. Tolstogo v shkol`nom izuchenii: sravnitel`no-istoricheskij aspekt [Cteativity L.N.Tolstoy in school study comparative: historical aspect]. *Filologiya i kul`tura. Philology and culture* [Philology and culture]. 2018. No. 4. P. 249–254.

2. *Kozhina N., Lushina N.* Tvorchestvo L.N. Tolstogo v shkol`ny`x programmax [Creativity L.N.Tolstoy in school curricula]. Literatura (prilozhenie k gazete «Pervoe sentyabrya») [Literature (supplement to the newspaper «First of September»)]. 2008. No. 17. Available at: https://lit.1sept.ru/ article.php?ID=200801705

3. *Borusyak L.Ya.* Lyubimy`e avtory`, lyubimy`e knigi: chto chitaet sovremennaya molodezh.` Po danny`m analiza seti Vkontakte [Favorite authors, favorite books: what modern yoth reads According to analysis of the VKontakte network]. *Vestnik obshhestvennogo mneniya.* No. 1(119) Danny`e. Analiz. Diskussii [*Bulletin of Public Opinion* 1 (119). Lata. Analisis. Discussions]. 2015. Yanvar`–mart. P. 90–105.

4. *Borusyak L.Ya.* Klassicheskaya shkola, neklassicheskie deti // Chtenie sovremennogo shkol`nika: programmnoe, svobodnoe, problemnoe: kollektivnaya monografiya / Pod red. E.S.Romanichevoj, E.A.Asonovoj [Classical school, non-classical children // Reading for a modern schoolchild ptogrammatic, free, problematic: collective monograph / Ed. E.S.Romanicheva, E.A.Asonova]. Moscow, 2016. 200 p.

5. *Mamardashvili M.* Ocherk sovremennoj evropejskoj filosofii [Essay on modern European philosophy]. Saint Petersburg, 2018. 640 p.

6. *Turgenev I.S.* Iz pis`ma L.N.Tolstomu [From a letter to L.N.Tolstoy]. Available at: https://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/trk/trk-6021.htm.

7. *Arnold M.* Count Leo Tolstoy // Fortnightly review. London, 1887. Vol. 48. P. 784– 793.

8. *Vinogradov V.V.* Yazy`k i stil` russkix pisatelej. Ot Gogolya do Axmatovoj: Izbr. tr. / Otv. red. A.P.Chudakov [Language and styke of Russian writers. From Gogol to Akhmatova: Fif. tr. / The responsible ed. of the cranks is A.P.Chudakov]. Moscow, 2003. 388 p.

9. *Mishatina N.L.* Metodicheskaya lingvokonceptologiya: novy`e idei i antropopraktiki: monografiya [Methodological linguoconceptology: new ideas and anthropopractices: monograph]. Saint Petersburg, 2022. 304 p.

10. Pis`mo L.Tolstogo P.D.Bobory`kinu (neotpravlennoe). Iyul`– avgust. Nikol`skoe-Vyazemskoe, 1865 g. [Letter from L.Tolstoy to P.D. Boborykin (unsent). Yuly–August. Nikolskoe-Vyazemskoe, 1865 g.]. Available at: https://www.tolstoy.ru/creativity/ letters /?df=&dt=&q=&page=2.

Submitted – 3 February 2024